

Слинкин М.Ф.

АФГАНИСТАН: ТРЕВОЖНЫЕ ЛЕТО И ОСЕНЬ 1979 г.

Драматические события, разыгравшиеся летом и осенью 1979 года на политической сцене Афганистана и явившиеся непосредственным прологом к дальнейшей интернационализации афганского кризиса, были и стремительными в своем беге к краю пропасти, и крайне запутанными по своему содержанию. Более того, с самого начала и особенно в последующем они были искажены до неузнаваемости в общественном мнении с помощью преднамеренной и беззастенчивой лжи, вымыслов, фальсификаций, подтасовок и дезинформации, исходивших как из официальных кругов, так и от невесть откуда появившихся многочисленных "специалистов" по Афганистану. Свою лепту в искажение оценки афганских событий внесли в антикоммунистическом рвении и продолжают вносить также и авторы, именующие себя ныне "демократами". Все это делает поиски истины и достоверное объяснение афганской трагедии весьма затруднительным делом.

Автор данной статьи берет на себя смелость изложить свое видение афганских событий указанного времени, полагаясь исключительно на подлинные документы, проверенные факты и свидетельства очевидцев.

* * *

Что же произошло в Афганистане летом и осенью 1979 года, т.е. 20 лет тому назад, накануне ввода советских войск в эту страну?

Анализ внутриафганских событий рассматриваемого времени со всей убедительностью показывает, что основным действующим лицом тогдашней афганской драмы, ее главным режиссером и "злым гением" был Хафизулла Амин¹. К началу лета 1979 года он занимал ключевые посты в партии и государстве: члена политбюро и секретаря Центрального комитета Народно-демократической партии Афганистана, премьер-министра и заместителя председателя Высшего совета обороны родины (ВСОР). Вынашивая честолюбивые замыслы по захвату власти, он делал основную ставку на использование в своих интересах армии, точнее, лично преданных ему армейских офицеров, а также других силовых структур государства. Используя свое должностное положение, он уже к лету этого года расставил многих своих людей по различным ключевым ведомствам. Так, по его распоряжению Экбаль Вазири становится начальником Главного политического управления вооруженных сил и членом Высшего совета обороны родины, командующий царандоом (народной милицией) майор Сеид Дауд Тарун - членом ВСОР, Азиз Ахмад Акбари - начальником управления внутренней контрразведки АГСА (аббревиатура от "Ды Афгенестан ды гато ды сатэло эдара" - "Управление по защите интересов Афганистана"), Наваб Али - заместителем начальника службы безопасности АГСА и др.

В борьбе за власть Амин намеренно раздувал культ личности Тараки, называя его "великим вождем революции", "великим вождем трудящихся Афганистана", "великим учителем", "отцом нации". И это, видимо, льстило самолюбию склонного к тщеславию Тараки, усыпляло его бдительность и не позволяло ему длительное время распознать истинные намерения своего "самого верного ученика". Амин же, пользуясь этой слабостью руководителя партии и государства, шаг за шагом отстранял его от практических дел и все больше сужал сферу его общения с широкой общественностью и партийно-государственным аппаратом страны. С целью приобретения личной популярности Амин постоянно встречался с различными категориями населения страны - офицерами армии и народной милиции, вузовской интеллигенцией, предпринимателями, представителями провинций и племен, сотрудниками министерств и т.д. Только в июле - августе 1979 года он публично выступал не менее 20 раз (по данным афганской печати), намного опережая в этом главу государства. Кстати, паблсити Амина щедро содействовали и советские средства массовой информации, которые знакомили советскую общественность с событиями, происходившими в Афганистане, чаще всего путем ссылок именно на его заявления, высказывания, интервью.

Процесс узурпации власти Амином происходил в условиях крайне опасного для судеб режима обострения внутривластной обстановки, особенно начиная с 1979 года. В это время вооруженные антиправительственные формирования действовали уже во многих провинциях страны. Госвласть теряла на местах одну позицию за другой, отступая в крупные административные центры под прикрытием имевшихся там гарнизонов. Участились вооруженные нападения на промышленные центры. Так, в начале мая большой вооруженный отряд мятежников совершил налет на Пули-Хумри и на несколько дней перерезал жизненно важную народнохозяйственную автомагистраль Кабул-Север. Обстрелам из минометов и легкого стрелкового оружия стала подвергаться главная военная авиабаза страны Баграм. Бои велись в Хазараджате, Кунаре, Пактии, Газни, Кандагаре, Панджшере, Балхе, Логаре, Горбанде и в других местах. 9 мая нападению мятежников подвергся Кабульский международный аэропорт, а 23 июня в столице произошло вооруженное выступление большой группы шиитов под антиправительственными, хомейнистскими лозунгами. 20 июля мятежники предприняли попытку захватить г. Гардез - провинциальный центр Пактии. На севере страны (в провинциях Бадахшан, Тахар, Фарьяб) против правительственных войск вели борьбу и левые силы - Организация федаинов трудящихся Афганистана (ОФТА или САФЗА). Ее действия особенно активизировались летом 1979 года.

Прискорбным фактором внутривластного положения в Афганистане в рассматриваемый период стало бегство за рубеж, прежде всего в Пакистан и Иран, больших масс населения, преимущественно сельского и составлявшего в основном социальные низы общества. Вызывалось это многими причинами и в первую очередь: усилением террора против местного населения, осуществлявшегося по прямому указанию Амина под флагом борьбы против контрреволюционных элементов; кампанией жестоких расправ над местными авторитетами и видными духовными деятелями, инспирированной Амином и его подручными; грубыми

просчетами и искривлениями при проведении земельной реформы и других преобразований; постепенным превращением сельской периферии в арену активных боевых действий и возникшими в связи с этим необеспеченностью личной безопасности населения, трудностями жизни и быта и т.д. Крайне пагубное дестабилизирующее воздействие на обстановку в стране оказывала антиправительственная пропаганда, развернутая из-за рубежа силами, которые враждебно встретили происшедшие в Афганистане в апреле 1978 года перемены. Активизировались деятельность контрреволюционного подполья и саботаж со стороны торговцев и предпринимателей.

Но самое тревожное заключалось, пожалуй, в том, что афганская армия, обеспечившая в свое время победу вооруженного восстания и устранение режима М.Дауда, с начала 1979 года стала все заметнее утрачивать способность быть надежной опорой новой власти. Угрожающие размеры в вооруженных силах страны принимают дезертирство и мятежи. Вот несколько примеров. 15 - 20 марта 1979 года вспыхнул антиправительственный мятеж в Герате, повлекший за собой многочисленные жертвы как среди местного населения, так и военнослужащих дислоцированной здесь 17 пехотной дивизии (по западным данным, до 800 человек). Погибли и двое советских военнослужащих². Многие солдаты и офицеры этой дивизии перешли в стан контрреволюции и составили костяк ставших в будущем крупных бандформирований под командованием бывших офицеров афганской армии, в частности, старшего капитана Исмаила и капитана Аллаладдина. 21 марта был раскрыт заговор в Джалалабадском гарнизоне (провинция Нангархар), к которому были причастны "братья - мусульмане". Аресту подверглось около 230 военнослужащих³. 17 мая по дороге от Гардеза на Хост к мятежникам присоединился полк 7 пехотной дивизии с полным вооружением во главе с его командиром. Всего к маю этого года, по западным оценкам, на сторону антиправительственных сил перешло до 10000 солдат и офицеров⁴. 5 августа в крепости Бала-Хисар (в центре Кабула), где были дислоцированы 26 парашютно-десантный полк и 444 батальон "коммандос", вспыхнул мятеж, поводом к которому явился арест службой безопасности некоторых офицеров по подозрению в нелояльности режиму. На их защиту с оружием в руках выступили их подчиненные и другие военнослужащие. В подавлении этого мятежа принимали участие танки, боевые вертолеты и самолеты. Это вооруженное антиправительственное выступление, однако, не было стихийным. Оно заранее готовилось членами антиаминовской подпольной группировки "заргунистов", в которую входили как военные, так и гражданские лица. Среди ее руководителей были преподаватель Кабульского политехнического института Азиз Бассам и его брат Абдурахман Бассам, секретарь 4-го райкома НДПА г.Кабула Хонар Гайрат, Мухаммадулла Сафи и другие. Однако ночью накануне восстания Азиз Бассам, Х.Гайрат и ряд других их соратников, в том числе и военных, в результате предательства одного из офицеров были арестованы, Азиз Бассам вскоре был расстрелян по приказу Х.Амина.

Примерно в это же время восстал гарнизон Асмара (провинция Кунар). В ходе расправы над сторонниками госвласти погибло до 150 человек. На сторону контрреволюции перешло около двух тысяч солдат и офицеров из состава 9 горнопехотной дивизии. Асмар был занят мятежниками⁵. 11 августа в провинции Пактика (район Зурмат) в ходе тяжелого боя с превосходящими силами мятежников сдалась в плен и дезертировала часть личного состава 12 пехотной дивизии⁶.

В такой внутривластной ситуации конфронтация в халькистском руководстве вступила в свою последнюю, завершающую стадию. К этому времени Тараки начал, видимо, все более отчетливо осознавать и общее тяжелое положение, сложившееся в стране, и то, откуда грозит опасность его положению как главы партии и государства. Амин, уловив перемены в настроениях Тараки, перешел к открытым атакам на него. В конце июля на одном из заседаний Политбюро ЦК НДПА он обвинил последнего в отходе от принципов коллективности руководства и возложил на него вину за провалы в государственных делах. Эти обвинения в основном поддержали Г.Д.Панджшери и С.М.Зерай. Тараки был явно огорчен критикой в свой адрес и пошел еще на одну уступку Амину, приняв его домогательства относительно новой реорганизации правительства. 28 июля Амин переместил на второстепенные посты тех членов кабинета, которые потенциально являлись для него помехой на пути к вершинам власти: министра обороны подполковника Ватанджара - на пост министра внутренних дел; министра внутренних дел майора Ш.Маздурьяра - на пост министра по делам границ; министра сельского хозяйства и земельной реформы С.М.Зерай - на пост министра здравоохранения. Сам Амин занял в дополнение к посту премьер-министра возделенное для себя кресло министра обороны. Портфель министра иностранных дел он передал своему стороннику Акбару Шах Вали. Следует подчеркнуть, что передача Амину поста министра обороны недвусмысленно оговаривалась тем, что он в практической деятельности в военной области будет полностью руководствоваться указаниями верховного главнокомандующего вооруженными силами, коим являлся Тараки⁷.

Однако, как показали последующие события, Амин не собирался связывать себя этими ограничениями. С конца июля до середины августа он произвел значительные перестановки в командном составе вооруженных сил страны. Целенаправленно отстранялись им с ключевых постов наиболее последовательные сторонники Тараки. Кроме того, из столичного гарнизона в периферийные районы под предлогом военной необходимости (а фактически по соображениям политической неблагонадежности) выводились некоторые воинские части. 20 августа Амин в беседе с генералом Павловским И.Г. высказал просьбу к советской стороне направить в Кабул соединение "коммандос" численностью 1,5 - 2 тысячи человек для того, чтобы иметь возможность вывести из столицы танковые, артиллерийские и другие части (т.е. именно те части, где больше всего были сильны позиции сторонников Тараки) и использовать их в других районах, а также заменить советскими расчетами личный состав 77 зенитно-артиллерийского полка, прикрывавшего Кабул и располагавшегося на господствующих высотах вокруг города. Амин, как сообщал Павловский И.Г., при этом не скрывал, что он не уверен в благонадежности расчетов зенитных батарей данного полка⁸.

Одновременно, не советуясь с Тараки, Амин продолжал внедрять своих людей и родственников в важнейшие звенья государственного аппарата. В частности, лично преданные ему Бабрак Шинвари и Факир Мухаммад Факир были назначены соответственно заместителями министров внутренних дел и по делам границ (возлагавшиеся на них Амином функции вряд ли вызывали сомнение, а именно: составить противовес Ватанджару и Маздурьяру, взять под наблюдение все их действия, а при необходимости и сковать их), его старший брат Абдулла Амин - уполномоченным по зоне четырех северных провинций, его племянник Асалулла Амин - заместителем министра иностранных дел (одновременно он был секретарем Кабульского горкома НДПА). Еще раньше по протекции Амина его зять майор Мухаммад Якуб стал начальником Генерального штаба вооруженных сил ДРА. Все это заставило Тараки, как рассказывала позже его жена, впервые в резкой форме упрекнуть Амина в nepотизме, на что последний в гневе выкрикнул: "Что же я должен, убивать свою семью?!" Этот разговор состоялся в начале августа 1979 года⁹.

Таким образом, к августу 1979 года Амин сосредоточил в своих руках непосредственное руководство гражданской и военной сферами и через своих доверенных лиц установил контроль над всеми спецслужбами. В такой ситуации овладение им вершинами власти в партии и государстве оставалось лишь вопросом времени. Что касается Тараки, то он, занимая еще официально высшие партийно-государственные посты, уже в августе фактически не располагал реальной властью.

Анализ ситуации, сложившейся в высшем афганском руководстве в конце июля - августе, будет неполным, если не сказать об антиаминовской оппозиции и ее конфронтации с Амином. Ее ядро составили уже упоминавшиеся выше Ватанджар и Маздурьяр, а также начальник службы безопасности АГСА Асадулла Сарвари и министр связи С.М.Гулябзой. Все они по своей профессии были армейскими офицерами и являлись активными участниками государственного переворота 1973 года и вооруженного восстания в апреле 1978 года. Обеспокоенные отстранением Тараки от руководства страной и партией, беззастенчивыми притязаниями Амина на власть и ухудшением военно-политической обстановки в стране, они стали энергично выступать в правительстве против диктаторских, раскольнических действий последнего, а затем и склоняться к мысли об устранении его с помощью силы от руководства правительством. С этой целью они развернули работу по сплочению вокруг себя своих единомышленников. При этом они апеллировали за поддержкой непосредственно к Тараки, не находя, правда, на первых порах достаточного понимания с его стороны.

Амин при встречах с Тараки (начиная, видимо, с конца июля) гневно обвинял своих противников, называя их "бандой четырех", в открытом неподчинении ему, как премьер-министру, в демонстративном нежелании работать совместно с ним, в попытках дискредитировать его в глазах иностранцев, в распространении антиаминовских листовок, слухов и т.п. Самое поразительное заключалось, пожалуй, в том, что Амин пытался возложить на Тараки и его сторонников вину и ответственность за деяния и преступления, которые он творил прежде всего сам и которые, по его собственному признанию, "вызывали среди народа ненависть к революции и народному (хальковскому) строю", а именно: распутство и кутежи, посягательство на честь и достоинство народа, покровительство разложившимся элементам, преследование подлинных патриотов, бесчисленные и неоправданные убийства людей и т.д.¹⁰

Антиаминовские настроения и замыслы его противников с самого начала не были для него (Амина) каким-то секретом. Как указывалось в закрытом письме ЦК НДПА, направленном партийным функционерам уже после смещения Тараки со всех партийных и государственных постов, Амин получал исчерпывающую информацию о их взглядах и действиях от заместителя начальника службы безопасности АГСА Наваба Али и начальника управления внутренней контрразведки АГСА Азиза Ахмада Акбари, который, будучи племянником А.Сарвари, имел полный доступ к тайнам "группы четырех" и даже присутствовал при их встречах. По словам Амина, ему в конце августа через Акбари становится известно о "замышляемом против него Нур Мухаммадом Тараки и его группой террористическом акте". Амин незамедлительно сообщает об этом Навабу Али и поручает ему выяснить все детали "заговора"¹¹. Подобные же подозрения и обвинения высказывала и другая сторона. По утверждению А.Сарвари, Амин к тому времени (а точнее - за два дня до отъезда Тараки в Гавану) уже принял решение убить Тараки и захватить власть¹².

Следует признать, что в данном случае между противоборствующими сторонами шла не просто пропагандистская баталия, а имела место реальная подготовка к тому, чтобы с помощью силы и оружия решить проблему власти. И та, и другая сторона уже не могла (да и не хотела) обойтись какими-либо полумерами и тем более искать компромиссы. Оценивая сложившуюся к началу сентября простую ситуацию внутри афганского руководства, есть основания утверждать, что многочисленный советский советнический аппарат, работавший тогда по просьбе афганской стороны при спецслужбах ДРА и непосредственно в окружении афганских лидеров, явно не владел обстановкой и оказался неспособным остановить или, по крайней мере, нейтрализовать дальнейшее трагическое развитие событий. Впрочем, незнание страны и ее специфики и неспособность объективно разобраться в причинно-следственных связях и перипетиях борьбы в высшем афганском руководстве были тогда (да и в последующем) характерны и для других групп советского советнического аппарата в Афганистане.

Негативное развитие событий в Афганистане - фактический раскол крыла "Хальк" и неспособность партийного и государственного руководства организовать надежную защиту устоев режима перед лицом расширявшихся вмешательства извне и действий вооруженной внутренней контрреволюции, опасность узурпации власти Амином - все это убеждало Тараки в необходимости принятия кардинальных мер для того, чтобы спасти положение и, конечно, себя. Но он все медлил.

1 сентября 1979 года Н.М.Тараки отправился через Москву в Гавану для участия в VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Его сопровождали всецело проаминовские лица:

министр иностранных дел Шах Вали, министр информации Хиаль Мухаммад Катавази, личный адъютант майор С.Д.Тарун, Азиз А.Акбари, командир президентской гвардии майор Джандад и др. В Москве пытались отговорить Тараки от продолжения поездки ввиду сложного положения в стране, но он не внял этому совету¹³.

В отсутствие Тараки в стране противоборство между Амином и "четверкой" еще более обострилось и приняло характер своеобразной дуэли, при которой каждая из сторон стремилась обеспечить за собой первый выстрел. По свидетельству пакистанского автора Раджа Анвара, имевшего возможность в течение нескольких лет вблизи наблюдать развитие событий в Афганистане и беседовать со многими непосредственными участниками афганской драмы, А.Сарвари 7 сентября связался по телефону с находившимся в Гаване Тараки и сообщил ему: "Амин планирует или арестовать нас (т.е. "четверку". - М.С.), или убить всех. Так что он может захватить власть до твоего возвращения"¹⁴. Однако Амин не сделал ни того, ни другого, считая, видимо, такие действия пока преждевременными. Что касается "четверки", то она с этого времени, не рискуя быть убитой или арестованной, дома уже не ночевала.

5 сентября приверженцы Тараки распространили в Кабуле листовку под названием "Заявление халькистов - сторонников единства". В ней Амин обвинялся в разжигании вражды в партии с целью получения личных выгод и внесения в ее ряды раскола, субъективизма, карьеризма и чванства, попрании демократических свобод и прав личности, уничтожении и заточении в тюрьму всех, кто не подчинился "верному ученику", в провозглашении лозунгов национального превосходства, выдвижении на руководящие партийные и государственные посты недостойных и чуждых революции людей, сговоре с внутренними и внешними врагами. В листовке содержался призыв к борьбе против Амина, за единство партийных рядов. Примечательным в ней было то, что лозунг "единства НДПА" понимался не как восстановление единства только крыла "Хальк", а как воссоздание той "единой и крепкой партии", которая привела к победе Апрельскую революцию и которая "была бы в состоянии провести в интересах народа глубокие преобразования"¹⁵. Это был прямой вызов открыто непримиримой позиции Амина, которую он неизменно занимал по отношению к крылу "Парчам".

10 сентября Тараки на обратном пути из Гаваны сделал кратковременную (шестичасовую) остановку в Москве и был тепло принят советскими руководителями - Брежневым Л.И. и Громыко А.А. Кроме них, с советской стороны в беседе участвовал также помощник Генерального секретаря ЦК КПСС Александров А.М. Никто из членов афганской делегации на этой встрече не присутствовал. В ходе состоявшейся беседы в центре внимания сторон было обсуждение внутриполитической ситуации в Афганистане и вопросов защиты революции. Брежнев Л.И., как было отмечено в официальном коммюнике, заверил главу афганского государства в том, что "... дружественный афганский народ может и впредь рассчитывать на всестороннюю и бескорыстную помощь Советского Союза"¹⁶. Тараки при обмене мнениями высказал просьбу к Советскому Союзу об оказании Афганистану прямой военной помощи. Однако, как и ранее, советское руководство ответило обоснованным отказом. Характеризуя положение в стране и партии, Тараки выразил озабоченность по поводу пагубной для революции деятельности Амина. Эта тема затем нашла свое продолжение на встрече Н.М.Тараки с Б.Кармалем, которая состоялась, разумеется, не без совета, непосредственного содействия и участия советской стороны. В ходе беседы они, руководствуясь искренней заботой о судьбе страны и власти, обсудили вопросы восстановления единства партии, возвращения членов крыла "Парчам" к активной государственной и общественно-политической деятельности и создания правительства на широкой национально-демократической основе. Рассмотрен был также и вопрос об отстранении с занимаемых постов Амина, как ярого противника единства партии и как деятеля, дискредитировавшего идеалы революции и национально-демократический строй¹⁷. На аэродроме перед отлетом на родину Тараки отметил полезность встречи с Брежневым Л.И. и заявил, явно противореча реальному положению в стране, что-де "положение в Афганистане стабилизировалось"¹⁸.

Хотя встреча Тараки с Кармалем происходила в крайне узком кругу и никто из других членов афганской делегации в ней не участвовал, Амин, однако, через свою агентуру узнал о ней и незамедлительно распорядился принять чрезвычайные меры, прикрывая при этом свои истинные намерения ссылками на необходимость предотвращения "зловещего плана покушения" на него¹⁹.

В 14 часов 11 сентября самолет Тараки появился над Кабулом. Именно в это время по указанию Амина его зять, начальник Генштаба ВС ДРА подполковник М.Якуб приступил к полной замене охраны аэродрома и на пути следования правительственного кортежа верными армейскими подразделениями, а также удалению с этих мест всех подозрительных и нежелательных лиц. Данная операция заняла целый час. И все это время самолет с Тараки кружил над кабульской долиной, ожидая разрешения на посадку, а сотни встречавших главу государства терялись в догадках по поводу происшедшего. Около 15 часов Амин, сидя за рулем собственного "Фольксвагена" белого цвета, наконец-то появился на аэродроме. Вскоре приземлился и правительственный самолет²⁰. Все случившееся в течение этого часа весьма красноречиво говорило о том, в чьих руках находятся основные рычаги власти в Кабуле.

О том, как дальше развивались события того и последующих дней вплоть до их трагической развязки, можно составить представление по материалам закрытого письма ЦК НДПА от 16 сентября 1979 года. Хотя это письмо - плод труда одной из сторон (аминовской) и оно дает версию событий, удобную, естественно Амину, тем не менее общая канва их изложения близка к истине и подтверждается другими, заслуживающими доверия источниками. Итак, что же произошло далее?

Тараки, выйдя из самолета, говорится в указанном закрытом письме, и увидев Амина, страшно растерялся и чуть было не потерял равновесие. Не доходя до встречавших, он в замешательстве спросил у Амина: "Где министры?" (Имелись в виду четыре упоминавшихся выше министра, которые, по сведениям, полученным

Тараки во время промежуточной посадки в Ташкенте, были якобы выведены Амином из правительства и арестованы. - М.С.). На это Амин невозмутимо ответил: "Не беспокойтесь, все они здоровы и невредимы". После окончания церемонии встречи оба они, сев в одну машину, отправились на заседание пленума ЦК НДПА, где Тараки рассказал об итогах работы VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран и визита в Москву. Заседание пленума в целом прошло спокойно, в атмосфере прежнего внешнего единодушия, если не считать вспышку раздражения у Тараки в связи с ехидным вопросом Амина о том, почему он в Москве встречался с Брежневым наедине, без участия других членов делегации²¹.

На следующий день, утром, между Тараки и Амином произошла жаркая перебранка, сопровождавшаяся взаимными упреками и обвинениями. Амин в ультимативной и грубой форме потребовал удалить из правительства, как он выразился, его (Тараки) "банду"²² и заявил, что служба безопасности АГСА "своими бесчеловечными действиями приобрела репутацию организации-тирана и душителя, гораздо худшую даже по сравнению с ЦРУ, САВАК и даудовской тайной полицией", и что "нет другого пути к очищению данной организации, как сместить А.Сарвари с поста ее руководителя"²³. Затем он отказался в дальнейшем приходить с докладами в резиденцию главы государства, пока не будут сняты со своих постов названные им лица и "не будет устранена угроза его жизни". Амин, кроме того, заявил о невозможности исполнения им в такой ситуации обязанностей министра обороны и предложил, чтобы эту миссию взял на себя сам Тараки с обязательным условием пребывания в здании указанного министерства (в тот период это здание располагалось на окраине Кабула. - М.С.), или же передал исполнение обязанностей министра начальнику Генерального штаба М.Якубу. Думается, что и то, и другое решение в сложившейся тогда ситуации означало для Тараки не что иное, как ловко подготовленную западню. По рассказам жены Тараки, Амин в ответ на предложение уйти в отставку и поехать в какую-либо страну в качестве посла, в гневе бросил Тараки: "Тебе следовало бы помолчать. Из-за пьянства и старости ты перестал соображать". Через некоторое время он позвонил Тараки из своего дома: "Если ты не сместишь тех четырех с их постов и не передашь их мне, то с сего момента я не буду выполнять ни одно из твоих указаний как президента"²⁴. Фактически с этого дня Амин самоуправно вывел из состава кабинета негодных ему министров, правда, еще не решаясь применить к ним крайние меры, видимо, в расчете на то, что ему все же удастся добиться на сей счет уступок от Тараки.

13 сентября в 8 часов Тараки передал Амину, что он ждет его к 9 часам в своей резиденции для доклада. Вслед за этим Амин получил сообщение от своих доверенных лиц, что у Тараки находится Ватанджар, вооруженный автоматом Калашникова. На этот раз Амин, нарушая установленный порядок, явился к Тараки с вооруженной охраной. После нескольких минут беседы с Тараки и Ватанджаром он отправился в министерство обороны, где узнал, что Тараки пригласил к себе двух армейских офицеров и дал им какие-то указания (Раджа Анвар называет группу из 17-ти офицеров²⁵, что кажется маловероятным в той ситуации, когда власть главы государства вряд ли уже распространялась далее президентского дворца) и что в это же время А.Сарвари с адъютантом, а также Гулябзой, Маздурьяр и Ватанджар - все вооруженные пистолетами и пистолетами-пулеметами - расположились соответственно в доме Тараки и в его резиденции. Эту и другую весьма исчерпывающую информацию о всех шагах Тараки и его сторонников Амину регулярно поставлял адъютант Тараки майор С.Д.Тарун²⁶.

В 13 часов 30 минут Тараки связался по телефону с Амином и спросил его, почему он не пришел к нему на обед (по устоявшейся традиции Амин всегда обедал у него.- М.С.). Амин, продолжая мотивировать свои действия ссылками на существующую угрозу его жизни со стороны "четверки", ответил, что он предпочитает иметь сообщение об отстранении их от власти, чем обедать вместе с ними. Разговор между ними снова принял форму перепалки. Тараки при этом, утратив терпение, заявил Амину, что он смещает его с поста премьер-министра. В ответ Амин потребовал или созвать пленум ЦК НДПА и решить на нем данный вопрос, или же удалить из правительства А.Сарвари и С.М.Гулябзоя и назначить вместо них других лиц. Тараки отверг и тот, и другой варианты. Вечером того же дня состоялся еще один очень острый, но безрезультатный телефонный разговор между ними²⁷.

Весьма симптоматично, что в этот день, 13 сентября, столичные газеты впервые за 17 месяцев после апреля 1978 года не упомянули имя Тараки на своих страницах. Видимо, уже к вечеру Тараки отчетливо почувствовал шаткость своего положения в противоборстве со своим "учеником", что и заставило его просить министра без портфеля Сахибджана Сахраи (сторонника Амина) поехать домой к Амину и уговорить того прийти в резиденцию главы государства. И Сахраи вроде бы удалось уговорить Амина в этом. В момент беседы (к Амину и Сахраи присоединился и Тарун, прибывший по вызову хозяина дома) поступило сообщение из городского комитета партии о том, что "четверка" по совету Тараки отправилась в советское посольство, чтобы попросить там политическое убежище. Амин, Сахраи, Тарун с тремя вооруженными телохранителями тут же поехали к Тараки. Амин, уловив внутреннее смятение и растерянность последнего, снова обрушился на него с резкими нападками, обвиняя его на сей раз в том, что "он отправил свою банду искать политическое убежище в советском посольстве" и что-де "ставит революцию под угрозу поражения"²⁸.

В разгар этой ссоры к ним поступила просьба от совпосла Пузанова А.М. о встрече. Как вспоминает генерал Павловский И.Г., находившийся в это время в Кабуле во главе небольшой группы офицеров (20 человек), совпосол получил указание Москвы "посетить Тараки и Амина, чтобы они были вместе, и попытаться примирить их, добиться недопущения раскола в партии. Особенно подчеркивалась необходимость защитить Тараки от Амина"²⁹. Согласно афганским источникам, "совпосол прибыл в резиденцию Тараки в сопровождении трех высокопоставленных советников (одним из них был генерал Павловский И.Г.³⁰) и передал афганским руководителям устное послание Брежнева, в котором содержался призыв сохранить в интересах революции единство между ними". Тараки в ходе беседы подтвердил необходимость сохранения единства в

руководстве страной. Что касается Амина, то он лишь уклончиво признал это³¹. На деле он, как азартный игрок, уже имея на руках все козыри, рвался сделать последний, решающий ход. В тот же день, 13 сентября, по его приказу были сняты с занимаемых постов два капитана-танкиста по обвинению в "беспринципных действиях" и за "внесение смуты в войска". Есть основания предполагать, что это были те два офицера, которых утром Тараки принимал у себя.

Утро трагического 14 сентября (это была пятница) началось с телефонного звонка Тараки Амину, который уже находился в министерстве обороны. Тараки потребовал объяснений, почему без его ведома уволены два офицера-танкиста. Содержание этого разговора и накал страстей можно представить по его записи, приведенной в закрытом письме ЦК НДПА³². Вот некоторые выдержки из него:

- "Я являюсь главнокомандующим вооруженными силами,- в резкой форме сказал Тараки, и ты не имеешь никакого права кого-либо увольнять... Немедленно вызови их к себе и отправь обратно."

- "Если я не имею права их увольнять,- парировал Амин,- то значит и не имею права вызывать их к себе и направлять назад. Поскольку вы считаете себя главнокомандующим, то и отправляйте их обратно в часть."

- "Ты почему приходишь вечером в мой дом с охраной? - вдруг спросил Тараки.

- "Потому что моя жизнь в опасности".

- "Являйся ко мне без промедления, без оружия и охраны".

- "Я скажу командиру гвардии,- ответил Амин,- чтобы он изымал оружие у каждого, кто будет входить во дворец "Гольхана". Пусть он обыскивает, кроме тебя, каждого, включая и меня".

- "Ты не имеешь право что-либо говорить ему. Только я могу пропускать кого-либо с оружием во дворец. Ты же являйся ко мне незамедлительно, без оружия и без вооруженной охраны".

- "Никто по своей воле на смерть не идет". (Заявляя это, Амин, конечно же, хитрил. К тому времени он был хозяином положения не только в столичном гарнизоне, но и в резиденции Тараки. См. об этом ниже).

События 14 сентября развивались стремительно, что можно представить по их следующему краткому перечню³³.

- 9 часов 30 минут - по приказу Амина части Кабульского гарнизона приведены в готовность №1.

- 15 часов - Тарун доложил Амину о том, что Тараки хочет видеть совпосла. Амин разрешил: "Сообщи об этом советскому послу".

- 15 часов 30 минут - Тарун вновь связался с Амином и сообщил ему, что совпосол прибыл во дворец в сопровождении тех же высокопоставленных советников, что приезжали вечером 13 сентября. Получив это сообщение, Амин распорядился: "Разрешите им пройти к Тараки".

- 16 часов 20 минут - по сигналу начальника Генштаба М.Якуба войска вошли во внутреннюю зону столицы и к 18 часам заняли все ее ключевые пункты.

- 17 часов 30 минут - Тараки позвонил Амину и сказал: "Советские товарищи хотели бы, чтобы вы пришли в Дом народов (резиденция Тараки.- М.С.) и мы могли бы вместе поговорить". (Действительно, как говорилось в закрытом письме ЦК НДПА и информации Министерства иностранных дел ДРА послам социалистических стран в Кабуле, а также по свидетельству очевидцев, совпосол в этот момент, как и в момент покушения на Амина, находился в резиденции Тараки. Утверждения иного рода, встречающиеся в некоторых зарубежных изданиях по Афганистану, в частности в книге индийского автора С.Мукерджи, не подтверждаются)³⁴. После непродолжительных взаимных препирательств Тараки принял условие Амина прийти к нему с охраной. Вскоре Амин в сопровождении шести охранников прибыл в Дом народов. У входа во дворец (Харам-сарай) его встретил Тарун. Оставив здесь трех охранников, Амин, сопровождаемый Таруном и адъютантом Вазиром Мухаммадом Зираком и еще двумя охранниками стал подниматься по лестнице на второй этаж, где стояли два адъютанта Тараки с пистолетами-пулеметами в руках. Как только Тарун и Зирак поднялись наверх (Амин в это время находился на середине лестничного перехода), адъютанты Тараки открыли по ним автоматический огонь. Тарун был сражен на месте, а Амин упал и ползком по лестнице добрался до выхода из дворца. Вместе с Зираком, получившим несколько пулевых ранений, он добежал до машины, по которой также велся огонь, и на большой скорости устремился в направлении своего оплота - министерства обороны. По его приказу тут же были отключены все линии связи с резиденцией Тараки, а "коммандос" и другие верные Амину подразделения окружили президентский дворец и разоружили гвардию³⁵. Тараки был арестован и помещен в небольшом здании на территории его, теперь уже бывшей, резиденции. К нему никто не допускался без личного разрешения Амина. Начались массовые репрессии. В частности, отстранены от должности и арестованы командиры 8 пехотной дивизии, артиллерийского полка и отдельного танкового батальона этой дивизии, начальники штабов 4 и 15 танковых бригад и другие.

- 20 часов - кабульское радио в программе новостей сообщило об освобождении от занимаемых постов Тараки, а также Ватанджара, Гулябзоя, Маздурьяра и Сарвари. Было объявлено и об изменениях в составе правительства ДРА: министром внутренних дел стал Факир Мухаммад Факир, министром по делам границ - Сахибджан Сахраи, министром связи - инженер Зариф и начальником службы безопасности АГСА А.А.Акбари.

К утру 15 сентября были арестованы или убиты многие сторонники Тараки. В их числе были и его два адъютанта, стрелявшие по Амину. Они были расстреляны в расположении 4 танковой бригады полковником Ахмад Джаном и майором Шаиста-ханом по устному приказу начальника Генштаба Якуба³⁶.

В 8 часов утра Амин собрал членов политбюро ЦК НДПА (тогда в его состав входили, кроме Амина, Шах Вали, С.М.Зерай, А.К.Мисак, Г.Д.Панджшери, М.К.Сума) и провел его заседание. После полудня состоялось заседание Совета министров ДРА.

16 сентября был созван под председательством Шах Вали чрезвычайный пленум ЦК НДПА, на котором были приняты следующие решения (приводятся по закрытому письму ЦК НДПА)³⁷:

"1. Исключить из партии Нур Мухаммада Тараки за организацию покушения на секретаря ЦК, члена политбюро ЦК НДПА, премьер-министра Хафизулла Амина, убийство члена ЦК партии Сеида Дауда Таруна и другие беспринципные действия.

2. Исключить из партии Мухаммада Аслама Ватанджара, Шерджана Маздурьяра, Сеида Мухаммада Гулябзоя и Асадулла Сарвари, как террористическую группу, действовавшую под руководством Н.М.Тараки, за совершение антинародных деяний.

3. Избрать выдающегося, принципиального деятеля партии и государства Х.Амина генеральным секретарем ЦК НДПА.

4. Внести на заседание Революционного совета ДРА предложение об отстранении Н.М.Тараки с поста председателя Революционного совета и других государственных постов и избрании вместо него председателем Революционного совета и премьер-министром Х.Амина".

Указанные выше решения держались в тайне от широкой общественности и были доведены до сведения лишь партийных функционеров. В средства массовой информации пошло иное сообщение, гласившее: "Пленум всесторонне и внимательно рассмотрел просьбу Н.М.Тараки, в которой он сообщает, что по состоянию здоровья не может продолжать исполнять партийные и государственные обязанности. Пленум единогласно решил удовлетворить эту просьбу и вместо него избрать генеральным секретарем ЦК НДПА члена политбюро ЦК партии, премьер-министра ДРА товарища Хафизулла Амина."³⁸ В такой же формулировке было обнародовано и принятое в тот же день постановление Революционного совета ДРА об избрании Амина председателем РС и премьер-министром ДРА.

Захватив все высшие посты в партии и государстве, Амин 17 сентября, в 20 часов 30 минут, выступил по кабульскому радио и телевидению с 30-минутным обращением к народу³⁹. Оно было щедро сдобрено откровенной демагогией и содержало попытки эзоповским языком морально и политически оправдать совершенный им и его кликой военный переворот. При этом делались ссылки на некие "общие объективные закономерности развития общества", необходимость иметь во главе власти "выдающихся политических вождей" и потребности восстановления "справедливости, законности и нерушимых демократических прав и свобод" народа. Он лицемерно осудил преступления службы безопасности АГСА против народа, ни словом не обмолвившись о том, что прежде всего он, как глава правительства, и его ставленники и подручные в репрессивных органах ответственны за все злодеяния, которые творились в стране в течение многих месяцев. Амин объявил, что вместо АГСА создается новая организация КАМ (аббревиатура от "Каргари эстехбарати моассеса" - "Организация рабочей контрразведки"), которая, по его заявлению, "не будет совершать никаких несправедливых действий и не будет никого безвинно подвергать заключению" (эта мысль в обращении повторялась несколько раз.- М.С.). Отныне, сказал Амин, полностью ликвидируются своеволие, разнузданность, чувство неуверенности, отсутствие неприкосновенности и безответственное отношение к народу государственных должностных лиц. Он сообщил о создании в ближайшее время комиссии по разработке проекта конституции ДРА. В области внешней политики была подтверждена приверженность нового руководства афгано-советской дружбе (кстати, Амин и в дни переворота и после него не раз клялся в верности дружбе с Советским Союзом⁴⁰). Самое удивительное в указанном обращении состояло в том, что в нем ни разу не упоминалось имя Тараки и вообще ничего не говорилось о происшедших переменах в руководстве страны и тех событиях, которые имели место в столице в течение прошедших семи дней.

Узурпация власти Амином создала довольно щекотливое положение для советского руководства, если иметь в виду насильственное смещение и содержание под стражей Тараки, к которому Брежнев явно благоволил⁴¹, предоставление советским посольством в Кабуле политического убежища для противников Амина - Ватанджара, Гулябзоя и Сарвари - и вообще перспективы сохранения традиционных добрососедских отношений между двумя странами. Видимо, этими обстоятельствами во многом можно объяснить тот факт, что поздравительное послание Амину от Брежнева и Косыгина в связи с его "избранием" главой партии, государства и правительства поступило лишь через три дня после официального объявления в Кабуле о происшедших переменах (для сравнения: республиканское правительство М.Дауда в 1973 году было признано Советским Союзом через два дня, а провозглашение Демократической республики Афганистан - через несколько часов). В послании была выражена уверенность, что "братские отношения между Советским Союзом и революционным Афганистаном будут и впредь успешно развиваться на основе Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, в интересах народов наших стран, на благо мира и прогресса в Азии и во всем мире"⁴². Амин (тоже через три дня) прислал ответную телеграмму с благодарностью за "братские поздравления"⁴³.

Приветствие, полученное Амином из Москвы, означало для него официальное признание "законности" его положения как главы партии, государства и правительства и, хотели того или не хотели руководители северного соседа, не могло не поднимать политический вес узурпатора. Для значительного же по численности советского советнического аппарата, работавшего по просьбе афганской стороны в различных ее ведомствах (например, численность только советских военных советников, по иностранным данным⁴⁴, составляла к июлю 1979 года до 2 тысяч человек), оно означало установку оказывать помощь и поддержку новой администрации. Во внутривнутриполитическом плане признание Амина Москвой вызвало разочарование среди сторонников Тараки и всех подлинных патриотов Афганистана⁴⁵.

В первые же дни после захвата власти Амин внес существенные изменения в состав высших руководящих органов партии. Значительно был обновлен состав ЦК НДПА: в него вошло около 20 новых членов из числа верных Амину людей, а общая численность членов ЦК была доведена до 50 человек. В политбюро были введены А.Х.Шараи Джаузджани и А.Р.Джалили, а в секретариат ЦК НДПА - М.Мансур Хашеми, Гуль Наваз и

Мухаммад Сиддик Алемьяр⁴⁶. Обновлен был и Революционный совет ДРА. В нем только проамериканские офицеры составляли не менее одной трети. Кадровые перестановки и чистки не обошли и армейское звено, хотя здесь Амину многое удалось сделать еще раньше. 25 сентября был смещен с поста командующего ВВС полковник Назар Мухаммад и переведен на должность заместителя министра транспорта.

Утверждая режим личной власти, Амин принимает меры к усилению репрессивного аппарата и превращению его в свой послушный инструмент. 22 сентября он назначает специального прокурора КАМ, а на следующий день издает указ об образовании Чрезвычайного революционного суда и утверждает его состав. Спустя некоторое время он назначает своего племянника Асадуллу Амина руководителем КАМ вместо А.А.Акбари, направленного послом в Ирак. Одновременно с этим Амин и его клика упорно пытаются, особенно в первые недели, представить себя противниками культа отдельной личности, списать на Тараки все прошлые многочисленные злодеяния и нарушения законности в стране и таким образом обелить себя в глазах афганской и мировой общественности, а также прослыть своего рода демократами, пекущимися о благе народа. В этом плане одним из первых актов нового правительства было решение об амнистии⁴⁷. Осуществляя ее, оно прибегло к явному фарсу. По указанию Амина, на стене резиденции правительства были вывешены списки лиц, находившихся в заключении. В этих списках значилось не более сотни имен. При этом было объявлено, что все, кто не числится в списках (по официальным данным, 12 тысяч человек), убиты в период правления Тараки. Тысячи кабульцев, узнав об этих списках, собрались у премьер-министерства в надежде найти имена своих близких и знакомых, но, не обнаружив их, начали выкрикивать проклятья сначала по адресу Тараки, а затем и самого Амина. Властям пришлось использовать полицию для разгона многотысячной толпы⁴⁸. Что касается объявленной амнистии, то она была крайне куцей: из тюрем были освобождены лишь единицы. В то же время многие тысячи людей, включая и преданных революции партийцев, стали подвергаться арестам, пыткам и казням без суда и следствия. По зарубежным данным, в тюрьмы были брошены 8 тысяч членов партии⁴⁹. Началась новая полоса террора против мирных жителей.

На фоне массовых репрессий и террора, охвативших страну после захвата власти Амином, казалась странной замена 6 октября С.А.Кештманду, А.Кадыру и М.Рафи смертной казни длительными сроками заключения. В действительности же в этом ничего странного не было: сохранение жизни видным партийным и военным деятелям явилось не актом милосердия Амина, которое было чуждо ему, а исключительно результатом неоднократных и настойчивых обращений советской стороны. Но это, к сожалению, не было сделано в отношении Н.М.Тараки. Утром 10 октября по кабульскому радио и телевидению было передано сообщение афганского информационного агентства Бахтар, в котором говорилось, что "9 октября в результате серьезного заболевания, которое длилось уже в течение некоторого времени, умер бывший председатель Революционного совета ДРА Нур Мухаммад Тараки" и что "тело покойного захоронено в фамильном склепе"⁵⁰. На самом же деле, как признали соучастники его убийства - командир президентской гвардии майор Джандад и его подчиненный А.Вадуд, Тараки был задушен подушкой по личному приказу Амина офицерами гвардии Рузи и Экбалеом 8 октября в 23 часа 30 минут⁵¹.

Гибель Н.М.Тараки глубоко потрясла передовую афганскую общественность. Следует заметить, что никто в Афганистане уже в то время не воспринимал всерьез официальную версию о его якобы естественной смерти. Для всех было совершенно очевидным, что он пал жертвой заговора со стороны его "верного ученика". Тень этой трагедии падала и на нашу страну и ее советнический аппарат, особенно тех, кто, находясь в окружении Амина, по долгу своей службы должен был знать о заговоре и обязан был не допустить физической расправы над лидером Апрельской революции. До сих пор остается невыясненным вопрос, почему советская сторона не использовала все свое влияние, чтобы спасти жизнь недавнему главе афганского государства. Что же стоит за этим: преступное равнодушие к судьбе друга Советской страны или полное неведение относительно того, что творилось за кулисами власти в Афганистане? Представляется, что ответ на этот вопрос предстоит еще дать.

Как свидетельствуют некоторые обнародованные сведения, отстранение от власти, а затем и убийство Тараки было расценено в высшем партийном и государственном руководстве СССР как контрреволюционный переворот⁵². Однако самое парадоксальное заключалось в том, что такая оценка не нашла какого-либо отражения в практической деятельности советского советнического аппарата в Афганистане, прежде всего в военной сфере. Наши люди по-прежнему продолжали помогать Амину и его камарилье удерживать власть в своих руках, хотя к этому времени в стране стала складываться совершенно новая внутривластная обстановка. После сентября произошла четкая поляризация и размежевание политических сил в обществе, особенно в партии и армии, на сторонников и противников Амина. При этом антиамериканскую оппозицию составляли не только твердые приверженцы Тараки и находившиеся в подполье парчамисты, но и все национально-патриотические силы, видевшие губительность для судеб страны преступной деятельности Амина и аминистов. И все же нет оснований преувеличивать силы и возможности партийной оппозиции того времени. По данным партийного архива, в НДПА в целом к концу 1979 года насчитывалось чуть более 22 тысяч членов, в том числе 9 тысяч в армии. Что касается парчамистов, то перед переходом на нелегальное положение в конце 1978 года в их рядах было не более 10 тысяч членов. Позднее несколько тысяч из них были Амином брошены в тюрьмы или казнены.

Отличительной особенностью внутривластной ситуации в Афганистане того времени было широкое недовольство режимом среди народных масс. Оно стало особенно усиливаться с конца сентября, когда по указанию властей начались крупномасштабные бомбардировки районов действий бандформирований с использованием специальных мощных бомб, поступивших по просьбе Амина из Советского Союза, что привело к уничтожению целых населенных пунктов и массовым жертвам среди мирного населения. Большими жертвами среди населения сопровождалась и крупные операции афганских войск, предпринятые в октябре в

Кунаре, Пактии, Хазараджате и других местах. Широкое недовольство было наиболее характерно для армии и проявлялось в различных формах: в резком падении среди военнослужащих доверия к НДПА и существующей власти, отказах воевать против мирного населения, массовом дезертирстве, расколе офицерского корпуса, возникновении в армейской среде подпольных группировок, ставивших своей целью свержение режима Амина, в установлении армейским подпольем связей с гражданской внутрипартийной оппозицией, придерживавшейся тех же целей, и, наконец, в открытых антиаминовских выступлениях войск.

Первое такое выступление произошло 14 октября в гарнизоне Ришхор (на юго-западной окраине Кабула), где была расквартирована 7 пехотная дивизия (7 пд). По плану восстания предусматривалось, что в нем примут участие и летчики авиагарнизона Баграм. К подготовке этого выступления армейских частей были причастны видные партийные деятели, ответственные работники Кабульского горкома НДПА и другие приверженцы Тараки⁵³. Однако с самого начала восстания произошли непредвиденные неувязки. Авиабаза Баграм не смогла оказать восставшему гарнизону 7 пд авиационную поддержку⁵⁴, в результате чего последний был вынужден полагаться только на свои силы. Танкисты 7 пд сделали попытку выйти из военного городка и двинуться к центру Кабула, но были блокированы верными Амину частями и службой безопасности (операцией по подавлению мятежа руководил лично начальник Генштаба М.Якуб). В правительственном обращении к личному составу 7 пд организаторы восстания были названы "контрреволюционными элементами", "изменниками родины и предателями", "врагами трудящихся Афганистана"⁵⁵. Ришхорский мятеж, не поддержанный другими воинскими частями, был подавлен на третий день. Многие его участники подверглись арестам и казням. Арестовано было и большое число партийных функционеров из числа гражданских лиц за причастность к восстанию. Однако офицерам-организаторам восстания удалось все же скрыться. Вскоре была наказана и 7 пд: она была передислоцирована на северо-восток, в Бадахшан, а затем в Мукур (провинция Газни). Надо заметить, что при разгроме этого мятежа Амин снова пользовался помощью советских военных и военно-политических советников. Как сказал один советский генерал, ежедневно встречавшийся с Амином и до последнего момента слепо веривший в политическую непогрешимость Амина и аминистов, они (т.е. советские военные советники) "работать старались на совесть"⁵⁶. По времени с ришхорскими событиями совпал арест 75-летнего основателя и лидера политической группировки "Афган-меллят" Гуляма Мухаммада Фархада и его родственников, а также генерал-лейтенанта в отставке Абдул Маджида Спингара и других по подозрению в организации "контрреволюционного заговора". Аминовская служба безопасности пыталась бездоказательно приписать им причастность к мятежу 7 пд⁵⁷.

Поражение ришхорского восстания и последовавший за ним разгул массовых репрессий и убийств не остановил противников Амина в их намерениях устранить узурпаторский режим (впрочем, одно лишь сомнение мучило тогда здоровую часть партийных рядов: как бы сопротивление диктатуре Амина не сыграло на руку контрреволюции⁵⁸). Во второй половине октября в Праге, где находился в эмиграции Б.Кармаль, состоялось заседание руководства крыла "Парчам". На нем было принято решение об организации сопротивления режиму Амина и был разработан план конкретных действий по его устранению при участии как своих сторонников в стране и армии, так и халькистов, недовольных Амином. Примерно в это же время в Москве прошло заседание комиссии политбюро ЦК КПСС по Афганистану под председательством Громыко А.А. Пока трудно сказать, за неимением точных данных, были ли эти два заседания непосредственно связаны между собой. Однако дня через три член политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ СССР Андропов Ю.В. пригласил в Москву Б.Кармалю. После непродолжительных, закрытых бесед последний вылетел в Душанбе, поближе к афганской границе, для установления связи с антиаминовским подпольем и организации намеченных актов⁵⁹. Принимая во внимание указанные факты, есть основания утверждать, что уже в октябре 1979 года высшее советское руководство пришло к убеждению о невозможности далее иметь дело с Амином и необходимости приведения к власти в Афганистане других политических лидеров (пока еще путем поддержки антиаминовской оппозиции). Функции ее покровителя взял на себя КГБ.

В октябре-декабре 1979 года внутри Афганистана продолжал развиваться процесс консолидации на антиаминовской платформе внутренних сил НДПА - халькистов и парчамистов. Большое внимание уделялось ими поискам и созданию опоры в войсках - подпольных армейских групп (у парчамистов они назывались "военные советы"). Плановмерно готовились к действиям боевые группы в составе 10 - 15 человек каждая из числа партийцев-гражданских лиц, шло их вооружение и обучение владению оружием, тщательно отработывались планы действий и вопросы взаимодействия. В Кабуле всеми оперативными вопросами подготовки к выступлению по линии крыла "Парчам" занимался "Ответственный комитет" ("комита-йе мас'ул"), созданный в подполье еще в октябре 1978 года и поддерживавший связи с зарубежной эмиграцией. В его состав входили Абдул Зохур Размджу (руководитель), Мухаммад Асеф, Эмтиаз Хасан, Джамила Пальваша, Мухаммад Насим Джуйа и Мухаммад Карим Баха (последний вошел в комитет за 50 дней до декабрьских событий 1979 года). Комитет имел свои организации в пяти районах столицы, а также в провинциях Балх, Фарьяб, Саманган и Джаузджан⁶⁰.

Советско-афганские отношения в рассматриваемый период развивались внешне в прежнем русле. Амин в своих официальных заявлениях по-прежнему демонстрировал приверженность дружбе с Советским Союзом. Однако, если судить по закрытым афганским материалам и выступлениям некоторых ответственных лиц его администрации, он подозревал совпосла если не в вовлеченности, то, по крайней мере, в потворстве "четверке" в организации покушения на него 14 сентября. Как сообщает индийский автор Мукерджи С., Амин требовал в связи с этим отзыва советского посла⁶¹. Данное обстоятельство, видимо, оказало влияние на принятие 8 ноября Президиумом Верховного Совета СССР решения о назначении нового чрезвычайного и полномочного посла СССР в ДРА Табеева Ф.А., партийного работника, мало знакомого с афганской спецификой (кстати, и в

последующем такая практика повторится еще не один раз). 21 ноября Пузанов А.М. покинул Кабул, а 1 декабря новый совпосол вручил верительные грамоты главе афганского государства⁶².

К началу декабря режим Амина оказался в крайне тяжелом, кризисном положении. Партия, и без того малочисленная, была расколота и ослаблена в ходе непрекращающейся внутренней борьбы и переворотов. Режим утратил доверие к себе подавляющего большинства населения страны, в том числе и влиятельного духовенства и местных авторитетов. Экономика страны была дезорганизована. Массовые репрессии аминских властей против собственного народа привели к увеличению миграции населения Афганистана в соседние страны. По зарубежным данным, к концу 1979 года количество афганских беженцев в Пакистан превысило 400 тысяч человек, из них 87,5 тысяч ушли сюда только в декабре. К этому времени в Иран бежало не менее 200 тысяч человек⁶³. Угрожающие размеры приняло вмешательство извне. Вооруженная оппозиция уже действовала в 18 из 26 провинций и полностью или частично контролировала более половины из 286 уездов и волостей страны и подавляющее большинство населенных пунктов в сельской местности. Во второй половине ноября мятежники впервые перерезали дорогу Кабул - Джалалабад, а 20 декабря - и дорогу Кабул - Гарdez. По данным советской военной разведки, к концу 1979 года на территории Афганистана действовали около 40 тысяч мятежников⁶⁴.

Тяжелый урон к этому времени понесли афганские вооруженные силы. В результате аминских чисток (а их было предпринято в 1978 - 1979 гг. не менее десяти), арестов, расстрелов и перетрясок военных кадров, боевых потерь и массового дезертирства общая численность армии сократилась более чем в два раза, до 40 - 50 тысяч человек, а офицерского состава еще более - в 10 раз⁶⁵. С апреля по июль 1979 года кадры пилотов и техников в ВВС Афганистана, к примеру, уменьшились с двух тысяч до 500 человек. Как признавал главный военный советник в Афганистане генерал Горелов Л.Н., многие из числа офицерского состава афганской армии "откровенно выступали против народной власти, против НДПА"⁶⁶. Командный состав армии не представлял какого-либо единого целого, распавшись на отдельные группировки по признаку приверженности тем или иным лидерам в зависимости от своих политических взглядов. В целом войска были деморализованы и утратили способность успешно вести борьбу против формирований контрреволюции. Военная слабость режима была обусловлена еще и тем, что он восстановил против себя вождей и старейшин племен в результате необдуманного посягательства на их права и привилегии и распространения на племена принудительного призыва в армию, от которого они были освобождены в силу вековой традиции. Это привело к тому, что значительная часть многочисленного племенного ополчения оказалась отброшенной в стан вооруженной оппозиции и перестала выполнять свою традиционную роль надежного пограничного заслона.

По мере нарастания внутриафганского кризиса Амин и его администрация предпринимают ряд шагов во внешнеполитической сфере в поисках альтернатив для его разрешения: в октябре-декабре его эмиссары совершают поездки в столицы некоторых западноевропейских стран; учащаются контакты лично Амина с представителями американского посольства в Кабуле; направляются приглашения и готовятся визиты в ДРА министра иностранных дел и президента Пакистана Ага Шахи и Зия-уль-Хака. Все это, как и получение режимом в октябре-ноябре кредитов и безвозмездной помощи от США и Великобритании⁶⁷, в советских кругах и среди антиаминской оппозиции воспринималось с подозрением и расценивалось как намерение Амина пойти на сговор с империализмом и предательство интересов революции.

Развитие событий в Афганистане и мотивы дальнейшей интернационализации афганского внутривластного кризиса не могут быть поняты без учета общей международной обстановки того времени. А она, как известно, была крайне сложной и напряженной и характеризовалась тезисно следующим. В конце 1979 года сессия совета НАТО принимает решение о размещении на территории ряда стран Западной Европы нового ракетно-ядерного оружия средней дальности. Американский Конгресс затягивает ратификацию Договора ОСВ-2, подписанного в июле этого года. Антишахская революция в Иране подорвала военно-политические позиции США в этом регионе. Рухнул военный блок СЕНТО. В связи с углублением в течение года кризиса в американо-иранских отношениях США предприняли беспрецедентную демонстрацию своих военно-морских сил, направив в ноябре в район Персидского залива авианосец и ряд других боевых кораблей. Американская администрация объявляет о планах создания корпуса быстрого реагирования и продолжает усиливать свое военное присутствие в Индийском океане. Топтались на месте советско-американские переговоры по ряду вопросов разоружения, о противоспутниковых системах, о запрещении химического оружия и т.д. Во второй половине года наступил резкий спад в советско-американских отношениях. В сентябре были предприняты новые дискриминационные меры в области торговли с СССР. В этом же месяце США обвиняют Советский Союз в "дислокации на территории Кубы советской военной бригады". Возник новый узел напряженности и конфронтации в связи с т.н. "кампучийским вопросом". На Западе с новой силой поднимается пропагандистская кампания о "руке Москвы", "агрессивных действиях социалистических стран", "экспорте революции". В конце года США возобновили военную и экономическую помощь Пакистану, а также значительно расширили помощь антиправительственным силам в Афганистане (решение об оказании всесторонней помощи афганской вооруженной оппозиции через каналы ЦРУ было принято еще в июне 1978 года). К декабрю 1979 года при активном содействии ЦРУ уже действовали на территории Пакистана базы по подготовке афганских мятежников в Аравали, Мирхани, Багхе, Варсаке, Мирамшахе, Ланди-Котале и других местах⁶⁸.

Имперский образ действий США, их военно-политическая активность в непосредственной близости к советским границам не могли, естественно, не вызывать в условиях конфронтационного мышления адекватной реакции со стороны Советского Союза. Политике с позиции силы, которую Запад в течение десятилетий проводил на международной арене, Советский Союз противопоставил свою силовую политику, хотя открыто

об этом и не говорил. При этом внешнеполитическая деятельность обеих сторон, их подходы к мировым делам были максимально идеологизированы: мировой капитализм исходил из политики сдерживания и отбрасывания коммунизма, а мир социализма - из концепции поддержки и поощрения мирового революционного процесса. Именно в этом свете формировалось и оправдывалось отношение советского руководства к "третьему миру" и национально-освободительному движению вообще и афганской революции, в частности.

Острая критическая ситуация в мире на рубеже 70 - 80-х гг. и главенство силовых подходов во внешней политике Запада и Востока оказали свое непосредственное воздействие как на оценку советской стороной ситуации, сложившейся к тому времени внутри и вокруг Афганистана, так и на принятие политического решения о вводе советских войск в эту страну. Оно, как известно, было принято 12 декабря 1979 года в узком кругу членов политбюро ЦК КПСС - Брежневым, Андроповым, Устиновым и Громыко - в нарушение Конституции СССР, втайне не только от народа, но и от Президиума Верховного Совета СССР, ЦК партии и даже членов политбюро. Данное противозаконное и антиконституционное решение верхушки советского руководства не может быть оправдано никакими обстоятельствами ни субъективного и ни объективного характера и заслуживает, как было подчеркнуто в Постановлении Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года, морального и политического осуждения⁶⁹.

Однако, думается, вряд ли будет справедливо сводить все к личной ответственности лишь названных выше политических деятелей и к изъянам в бытовавшем тогда механизме принятия решений, как это делается в сообщении Комитета Верховного Совета СССР по международным делам о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан⁷⁰. Повинны в этом, на мой взгляд, не только указанные деятели, но и те ведомства, так называемый "второй эшелон", которые, драматизируя ситуацию внутри и вокруг Афганистана, своими некачественными оценками и выводами подталкивали высшее руководство страны к принятию рокового решения. Таким ведомством, мнение которого оказалось весомее других, являлся Комитет государственной безопасности СССР, чей представитель в Кабуле генерал-лейтенант Иванов Б.С., по свидетельству компетентных лиц, еще в середине августа 1979 года на заседании комиссии политбюро ЦК КПСС по Афганистану отстаивал точку зрения о неспособности афганской армии самостоятельно защищать завоевания революции и в связи с этим о целесообразности оказания непосредственной военной помощи этой стране⁷¹ (наивно было бы полагать, что генерал Иванов Б.С. выражал только свою, а не его ведомства, точку зрения). К чести Генерального штаба ВС СССР его руководители (Маршал Советского Союза Огарков Н.В., генерал армии Ахромеев С.Ф. и др.), более профессионально оценивая особенности Афганистана и характер вероятной в этой стране контрпартизанской войны, не разделяли указанного выше мнения. Они на всех стадиях обсуждения афганского вопроса выступали против посылки советских войск в Афганистан, полагая, что афганская армия, несмотря на происходящие в ней деморализующие процессы, может после соответствующей реорганизации восстановить боеспособность и выполнить свое предназначение. Кроме того, они считали, что ограниченными военными силами здесь нельзя решить задачу стабилизации обстановки и что "советское военное присутствие немедленно приведет к усилению мятежного движения в стране, которое в первую очередь будет направлено против советских войск"⁷². К сожалению, эти доводы и опасения были проигнорированы политическим руководством СССР.

Направление советского воинского контингента в Афганистан началось еще в первых числах июля 1979 года. Тогда на аэродром Баграм под видом технических специалистов был переброшен парашютно-десантный батальон под командованием подполковника Ломакина А. (без техники). Этот шаг, надо оговориться, был предпринят по просьбе не афганской стороны, а советских представителей в Кабуле с целью "обеспечения безопасности при возможной эвакуации советских граждан в случае дальнейшего обострения обстановки" в стране⁷³. В начале декабря в Афганистан стали прибывать советские воинские формирования уже непосредственно по просьбе афганского руководства. 6 и 7 декабря на аэродроме Баграм высадился парашютно-десантный полк⁷⁴. Две с небольшим недели спустя начался ширококомасштабный ввод советских войск в эту страну.

Одновременно в завершающую стадию вступила еще одна попытка разрешить внутриафганский кризис власти. Речь шла о физическом устранении Х.Амина. Однако теперь эта попытка во многом (если не во всем) должна была осуществляться по сценарию, разработанному не в Кабуле, а в Москве, а точнее, в ведомстве Андропова Ю.В.

Ввод советских войск в Афганистан имел многоплановые и весьма противоречивые последствия. Однако, главное, он не только не облегчил, но, наоборот, еще более осложнил решение основной задачи - стабилизации обстановки внутри и вокруг Афганистана. Советское военное присутствие задело национальные чувства афганцев, чем не преминули воспользоваться в антисоветских целях внутренние и внешние силы. Началась эскалация вмешательства извне в афганские дела как со стороны Запада, так и со стороны консервативных мусульманских режимов региона. Первые рассматривали кабульский левый режим и советскую военную акцию как опасный прецедент "коммунистического проникновения" в страны Востока, а вторые - как угрозу ценностям и безраздельному влиянию ислама в регионе. Советская военная акция в Афганистане была осуждена подавляющим большинством мирового сообщества, что сильно ударило по авторитету Советского Союза на международной арене. Афганский вопрос на долгие годы стал фактором напряженности в регионе и мире. Что касается советских войск в Афганистане, то они при слабости афганской армии и всего механизма власти в стране с первого же дня пребывания на афганской земле оказались на передовых рубежах войны с мятежниками и стали неумолимо втягиваться в затяжную гражданскую войну в чужой стране, стоившую советским людям десятков тысяч убитых и искалеченных, огромных материальных и моральных потерь.

Примечания

1. См. о нем подробнее: Слинкин М.Ф. Кто был и есть кто в Афганистане // Востокведный сборник. Выпуск первый.- Симферополь: изд-во Таврического экологического института, 1997. – С. 28 - 31.
2. Красная звезда.- 1989.- 18 ноября. Западные авторы называют число жертв среди советских граждан (военных и гражданских) в Герате от 28 до 200 человек.- См.: Urban, M. War in Afghanistan.- London: The Macmillan Press Ltd., 1988.- P. 30; Arnold, A. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective.- Stanford, California: Hoover Institution Press, 1981.- P. 81; Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan: A First-hand Account.London - New York, 1988.- P. 157.
3. Красная звезда.- 1989.- 18 ноября.
4. Urban, M. War in Afghanistan.- P. 33.
5. Ibid., p. 34 - 36; Из беседы с советскими военными советниками.
6. Красная звезда.- 1989.- 18 ноября.
7. Правда.- 1979.- 31 июля; Ды Афганестан каланый.- Кабул, 1358 (1979).- На языке дари.- С. 413; Kabul Times.- 1979.- July 28; Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan.- P. 162 - 163.
8. Красная звезда.- 1989.- 18 ноября.
9. Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan.- P. 165.
10. Закрытое письмо ЦК НДПА секретарям партийных организаций, озаглавленное “Нур Мухаммад Тараки организовал террористический заговор против Хафизуллы Амина, но потерпел провал”.1979.- 16 сентября.- С. 2.- На языке дари (ротапринт).
11. Там же, с. 2 - 4; Беседы с афганскими товарищами.
12. Беседы с афганскими товарищами; Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan.- P. 166.
13. Демченко П. Как это начиналось в Афганистане // Эхо планеты.1989.- 11 - 17 ноября.- № 46 (85).- С. 28.
14. Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan.- P. 167.
15. Листовка “Заявление халькистов - сторонников единства”.1979.- 5 сентября.- На языке дари (ротапринт).
16. Правда.- 1979.- 12 сентября.
17. Беседы с афганскими товарищами. См. также: Так мы вошли в Афганистан // Литературная газета.- 1989.- 20 сентября; Демченко П. Как это начиналось в Афганистане.- С. 28; Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan.- P. 167 - 168.
18. Правда.- 1979.- 12 сентября.
19. Закрытое письмо ЦК НДПА секретарям партийных организаций. - С. 4.
20. Там же, с. 4 - 5; Беседы с афганскими товарищами; Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan.- P. 168 - 169; Arnold, A. Afghanistan's Two-Party Communism: Parcham and Khalq.- Stanford, California: Hoover Institution Press, 1983.- P. 90.
21. Mukherjee, S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph.- New Delhi: Sterling Publishers Limited, 1984.- P. 117.
22. Утверждение генерала Павловского И.Г. о том, что Амин будто бы потребовал отстранения четырех министров 14 сентября, неверно. В действительности это случилось 12 сентября. Да и другие события, которые генерал Павловский И.Г. относит к 14 сентября, происходили также 12 сентября.- См.: Так мы вошли в Афганистан.
23. Закрытое письмо ЦК НДПА секретарям партийных организаций. – С. 5. Далее ссылки даются на этот документ.
24. Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan.- P. 169 - 170.
25. Ibid., p. 170.
26. Закрытое письмо ЦК НДПА секретарям партийных организаций.С. 5 - 8; Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan.- P. 170; Arnold, A. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective.P. 84; его же. Afghanistan's Two-Party Communism.- P. 90.
27. Закрытое письмо ЦК НДПА секретарям партийных организаций.С. 6; Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan.- P. 170.
28. Закрытое письмо ЦК НДПА секретарям партийных организаций. – С. 6 - 7.
29. Литературная газета.- 1989.- 20 сентября.
30. Там же.
31. Закрытое письмо ЦК НДПА секретарям партийных организаций. – С. 7.
32. Там же.
33. См. об этом: Закрытое письмо ЦК НДПА секретарям партийных организаций.- С. 7 - 9; Красная звезда.- 1989.- 18 ноября; Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan.- P. 170 - 173; Newell, P.N., Newell, R.S. The Struggle for Afghanistan.- Ithaca and London: Cornell University Press, 1981.- P. 88; Arnold, A. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective.- P. 84; Mukherjee, S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph.- P. 117 - 118; Collins, J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan: A Study in the Use of Force in Soviet Foreign Policy.- Massachusetts / Toronto: Lexington Books, 1986.- P. 66 - 67.
34. Литературная газета.- 1989.- 20 сентября; Закрытое письмо ЦК НДПА секретарям партийных организаций.- С. 8; Саффончук В. Афганистан времен Амина // Международная жизнь.- 1991.- № 1. – С. 131; Mukherjee, S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P. 117 - 118.
35. The Truth about Afghanistan: Documents, Facts, Eyewitness Reports.- Moscow: Novosti Press Agency Publishing House, 1980. – P. 86.
36. Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan.- P. 171.
37. Закрытое письмо ЦК НДПА секретарям партийных организаций. – С. 9.
38. Kabul Times.- 1979.- September 16; Правда.- 1979.- 18 сентября.
39. Обращение к народу генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Х.Амина. 17 сентября 1979 года.- На языке дари (ротапринт); Правда.1979.- 19 сентября.
40. Правда.- 1979.- 14 и 19 сентября, 3 октября.
41. Демченко П. Как это начиналось в Афганистане.- С. 28.
42. Правда.- 1979.- 19 сентября.
43. Правда.- 1979.- 22 сентября.
44. Mukherjee, S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph.- P. 114; Urban, M. War in Afghanistan.- P. 40.
45. Беседы с афганскими товарищами.
46. Kabul Times.- 1979.- September 20.
47. Правда.- 1979.- 25 сентября.
48. Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan.- P. 174.
49. Der Spiegel.- 1980.- 31 марта; Mukherjee, S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph.- P. 120.
50. Kabul Times.- 1979.- October 10; Правда.- 1979.- 11 октября.
51. The Truth about Afghanistan.- P. 86 - 88; В советской печати иногда встречаются утверждения о том, что Тараки будто бы был убит еще 14 сентября. Эта версия не согласуется с показаниями его убийц, сделанными ими на суде. - См.:

- Миронов Л., Спольников В. Накануне // Новое время.- 1989.- № 12.- С. 8.
52. Литературная газета.- 1989.- 20 сентября.
 53. Из беседы с Абдурахманом Бассамом.
 54. Пакистанский автор Раджа Анвар утверждает, ссылаясь на беседу с А.Сарвари, состоявшуюся в феврале 1980 года, что “переворот провалился главным образом из-за того, что советские военные советники помешали сторонникам Тараки взять под контроль Баграмскую авиабазу”.- См.: Anvar, Raja. The Tragedy of Afghanistan.- P. 175, 270.
 55. Обращение правительства ДРА от 14 октября 1979 года к личному составу 7 пехотной дивизии.- Листовка на языке дари (рогапринт).
 56. Афганистан: а завтра была война (интервью с генерал-майором Заплатиным В.П., бывшим советником начальника Главного политического управления вооруженных сил ДРА в 1978 - 1979 гг.) // Родина.- 1989.- № 11.- С. 14 - 17; Беседы с советскими военными советниками.
 57. Правда.- 1979.- 17 октября; Arnold, A. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective.- P. 90 - 91.
 58. Басов В.В., Поляков Г.А. Афганистан: трудные судьбы революции.- М.: Знание, 1988.- С. 35.
 59. Демченко П. Как это начиналось в Афганистане.- С. 28; Беседы с афганскими товарищами; Mukherjee, S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph.- P. 121 - 122.
 60. Из беседы с М.Н.Джуйа и Абдул Малеком Рошаном; The Truth about Afghanistan.- P. 103.
 61. Закрытое письмо ЦК НДПА секретарям партийных организаций.С. 7 - 8; Литературная газета.- 1989.- 20 сентября; Mukherjee, S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph.- P. 120.
 62. Правда.- 1979.- 8 ноября; Mukherjee, S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph.- P. 120.
 63. Collins, J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan.- P. 69; Transnational Perspectives: A Special Study.- Geneva, 1982. – P. 25.
 64. Красная звезда.- 1989.- 18 ноября.
 65. Урок, который стоит усвоить // Известия.- 1989.- 5 мая; Басов В.В., Поляков Г.А. Афганистан: трудные судьбы революции. – С. 33.
 66. Красная звезда.- 1989.- 18 ноября.
 67. Arnold, A. Afghanistan's Two-Party Communism.- P. 89.
 68. Undeclared War: Armed Intervention and Other Forms of Interference in the Internal Affairs of the Democratic Republic of Afghanistan.- Kabul: Information and Press Department of DRA Ministry of Foreign Affairs, 1984.- P. 26; White Book: Pakistan's Subversive Activities Against of Afghan Revolution.Kabul: DRA Ministry of Foreign Affairs, Information and Press Department, 1984.- P. 47 - 61.
 69. Правда.- 1989.- 28 декабря.
 70. Правда.- 1989.- 25 декабря.
 71. Красная звезда.- 1989.- 18 ноября.
 72. Там же.
 73. Там же.
 74. Urban, M. War in Afghanistan.- P. 42; Bradsher Henry S. Afghanistan and the Soviet Union.- Durham: Duke University Press, 1985.- P. 176